

АРСЛАН СИРАЗИ

**ЗЕРКАЛО
ДЛЯ
МАРИНЫ**

ПОВЕСТЬ

Арслан Сирази

Зеркало для Марины. Повесть

«Издательские решения»

Сирази А.

Зеркало для Марины. Повесть / А. Сирази — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740917-3

Кошмар родителей наяву. Шестилетняя дочь похищена неизвестными, а отец в поисках ребенка теряет реальность. Где его дочь, а где — лишь отражения в зеркалах? Мистический детектив казанского писателя Арслана Сирази не оставит равнодушными и тех, кто любит сюжетное напряжение, и тех, кто может без страха заглянуть себе в душу.

ISBN 978-5-44-740917-3

© Сирази А.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Зеркало для Марины

Повесть

Арслан Сирази

Фотограф Луца

© Арслан Сирази, 2017

© Луца, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4474-0917-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Когда мы поняли, что произошло, Настя заплакала. Уселась на жесткую скамью в отделении, ткнулась лицом в ладони. Хлюпкие звуки глушились слезами. Я же стоял у стены, в метре от жены, и, дрожал. Не мог шевельнуться. Рукой и даже пальцами не мог потянуться к Насте, чтобы дать понять – я рядом. Нет, мы были порознь, одиночки в общем горе. И каждый теперь имел право на собственные страдания.

Почему так? Почему родители узнав, осознав, поняв, что никогда больше не увидят дочь живой, – вместо призрачной поддержки в объятиях, расходятся по углам бесчувственного отдела полиции? Почему вообще это случилось с нами?

Слова и взгляды. Взгляды мазали по лицу. Чьи-то глаза высунулись из кабинета. Дежурный поглядывает на нас. И мы под этим огнем взоров – от сочувствия до презрения. Да, и презрение было, я узнавал его, слышал: они обсуждали – как так, потерял дочь на прогулке? Даже вопросы вначале были другие, подозревали, что это я причастен.

А теперь, какие бы слова или взгляды не были адресованы нам – Маришки больше нет. Скорее всего, нет, поправлял я себя, гнал из головы признание до последнего, сердцем чуя бессмысленность этого.

Год спустя Маришку еще оставляли в розыске, фотографии мялись на стендах отделений, но из живого ребенка, что была рядом день, неделю, месяц назад, она превратилась в потрепанную ксерокопию, которую застилал ворох новых ориентировок. Расчет на случайность, пустой фантом удачи.

Через год после исчезновения ушла Настя. Не выдержала – пустой детской, которую мы так и не решились обратить в спальню, кому теперь была нужна спальня... Не вынесла скрипа моих зубов по ночам. И высохшие краски в этюднике Марины. Он так и стоял в углу комнаты, стыдливо прикрытой полотном двери. Когда я покупал этюдник – Маришка танцевала. Да, танцевала вокруг меня, кружась, и чуть не снесла одну из полок магазина. А я прикидывал – хватит ли денег еще и на набор красок. Хватило.

Возможно, жена бы смирилась и начала новую жизнь. Женская практичность меня всегда поражала. Но мое присутствие все меняло. Я упустил дочь из виду в парке, полном людей. Вернулся когда ее уже не было. Виноват я и больше никто.

– Не виню тебя. Не виню, – Настя укладывала вещи в чемодан, с которым когда-то мечтала съездить на море. – Но – не могу. Просто не могу тут, с тобой... – и замолкла. Проговорила.

Я понимал. Я и сам не мог – с собой. Весь год я был оцепенелым, отлитым из куска грубого шершавого металла. Мог двигаться, что-то чувствовать, но всегда с трудом, скрежетом и лязгом.

– Лучше б ты запил, – в сердцах как-то кинула Настя. Забыл, когда это было – полгода спустя? Больше? Я пробовал. Бесполезно – водка входила, а потом, спустя время, устремлялась наружу, желудок выворачивался, горло выжигало рвотой. Попытки напиться приводили меня лишь к унитазу, но никак не к желаемому – опьянения не наступало, а вместо него тут же поджидало вдвойне унижительное похмелье.

Тогда это забылось, как и многие другие попытки перестать помнить. Теперь, с уходом Насти (я всех потерял, я – папаша-растеряша), в момент, когда за Настей закрылась дверь, я решил выпить.

В холодильнике от прежних экспериментов застоялась половина бутылки. Что-то крепкое, жгучее. Губы схватили горлышко, и жидкость опрокинулась внутрь – туда, по пищеводу, вдоль неизвестных мне трубок, через кишечник, в кровь, в сердце, в душу...

Очнулся за рулем. Я куда-то ехал. В правом ряду, включив все фары. Одетый по сезону – пальто, ботинки. Помню, даже перчатки были на руках. А руки были на руле. Больше всего меня забавляли фонари – свет их то и дело растягивался в линии, которые опутывали дорогу. Такие же линии рисовали рубины стоп-сигналов впереди. Куда я ехал? Вслед Насте? На поиски Марины?

Какие возможны поиски – после года посещений того парка, после месяцев опознаний чужих найденных детей. Никогда я не видел столько детей – изможденных, готовых вновь вырваться или счастливых в своей обнаруженности.

Тогда, глядя на родителей, что прижимали эти детские головки к себе, а порой и отвешивали им хрусткие подзатыльники, тогда-то я их возненавидел. Всех – потерянных и найденных, убежавших и возвращенных. И даже мертвых, чьи тельца порой умещались на половинке морговской каталки, темнея под голубыми простынями – их я ненавидел, также как и живых. Они хотя бы нашлись.

Засверкали опоры моста. Маришка любила его – стальные ванты при движении сливались в большую букву М, которая начинала мелькать и проявляться. Марина вскрикивала – МЭ, МЭ, МОЯ буква!..

Я придавил педаль газа. Тросы замелькали быстрее. Еще сильнее на педаль. Фонари, встречные фары, подсветка моста – все смазались в широкую полосу света. А за пределами этой полосы, в тридцати или скольких метрах ниже, лежала ледяная тьма. Может, там, в темноте или подо льдом, мы бы встретились. Хоть где-то я бы нашел ее. Я бы сказал: дочка, возьми меня за руку крепко, держи изо всех сил и не отпускай, не отпускай...

Когда раздался скрежет металла, я резко, насколько возможно было в моем состоянии, перебросил ногу и ударил по тормозу. Было слышно, как трепещет за свою судьбу АБС. На льду, которым всегда славился мост, сотканный из металла и асфальта, машину развернуло. Автомобиль занесло широким – через все три полосы – кругом. Фонари, тросы, фары, трещины на лопнувшем лобовом стекле сплелись в узор, который покадрово развертывался передо мной. Ограждения крякнули, затем услужливо подогнулись, а машина, поняв, что может летать, перемахнула через заборчик, и устремилась в черный провал.

Помню, когда падал, я жал на тормоз. И вроде бы даже загнал педаль в пол. Но потом подушка безопасности выпрыгнула в лицо и я провалился в темноту.

– Пап! Проснись! – голос Марины вытаскивал из сна, приятного, воскресного сна, когда ты уверен в том, что можешь спать хоть до обеда. – Давай, просыпайся!

– Ну что? Дай поспать, а, – буркнул я.

– Папа, кукла потерялась.

– Какая еще... – я попытался отвернуться, хотя чувствовал, сон улетает, а значит, день начался, заботы уже здесь и началось все с чертовой куклы.

– Ася – вчера со мной спать легла, а сегодня потерялась! – ворчливый голос дочери поутру почти всегда вызывал смех – такая мелкая, а бурчит как старушка.

– Мариночка, это ты потерялась, а не кукла, – сказал я сквозь сон. И тут же сознание начало возвращаться. Все встало на свои места – парк, серое лицо жены, серые стены отдела полиции. И буква М, громадная, светит посреди моста.

Я попытался занырнуть в сон глубже, спрашивал Марину еще о чем-то, и она даже ответила, но все было скрыто. В конце она заплакала, поняв, что я не буду искать ее Асю, заплакала так, как плачут девочки ее возраста – навзрыд, понимая, что горе их никогда не будет избыто. Слезы – ужасно холодные – капали на лицо, руки и, кажется, проникали даже за шиворот.

– Проснись, просыпайся уже! – резкий толчок кулачка дочери и леденящие слезы сделали свое дело – я очнулся. Машина шла ко дну. Сквозь треснувшее стекло пробивались струйки холодной воды. Подушка безопасности сникла, и я мог двигаться. Пальцы схватились за рычажок.

Зачем? Выплыву – и что дальше?

Лобовое стекло хрустнуло и чуть вдавилось внутрь. Машину мягко толкнуло – очевидно, встала на дно. Сзади что-то зашипело – не выдержали стекла, вода фонтаном начала влетать в салон. Брызги холодили затылок, но было терпимо. Вполне терпимо, если знать, что ждет снаружи. Точнее – кто. Еще точнее – не ждет. Никто меня не ждет. Не вижу смысла. В темноте, уцепившись за руль, я ждал смерти.

В последний момент меня подвело – и выручило – тело. Именно тело не захотело умирать, когда сознание ослабло. Пальцы схватились за рычажок двери, легкие набрали воздуха. Страха не было. Мозг выключился и наблюдал действия желающего выжить.

Те, кто говорил, что в смерти нас ждет светящийся тоннель, ошибались. Холод. Меня встречал холод. Ледяная стужа пробиралась в мышцы, а потом лезла в вены и кости. Не было никакого света – темень и холод, да пронзительный лед под кожей. Помню, руки сделали несколько движений. А потом все затихло.

2

Беленый потолок в трещинах не напоминал ни ад, ни рай. Больница. Шарканье ног вдали, разговоры вполголоса, крики хозяйственных женщин – медсестры, наверняка, медсестры – и сопенье людей поблизости.

Я был уверен, нет, я знал, что там, до пробуждения, слышал какую-то фразу Марины, вроде бы «жду». А потом, во тьме, позабыл ее. Сейчас сознание, ободранное о ледяную гущу воды, возвращало все – темнота, холод, отчаяние, смирение и голос дочери.

– Я тоже жду, – шепнул я в больничную пустоту.

– Очнулся? – голос шел слева. Я чуть шевельнул головой. Удалось с трудом – в мышцах тут же начало стрелять и колоть. – Вижу, очнулся. Сейчас забор крови, а потом придут – побеседуют.

В голосе невидимой женщины сквозила злоба и издевка – из тех, что пропитывают человека насквозь, не вытравляясь даже возрастом. Она ненавидит таких, как я. Каких? Я не видел ее, но она будто стояла перед глазами – повыше меня, на голове сбитая косынка. Ей за сорок. Двое детей выходят в коридор навстречу ей, а она волочит пакеты из ближайшего «Магнита».

Откуда я знал? Просто образ. Чем-то похож на образы, что порой приходили на работе – когда пытаешься увидеть, как поведет себя сплав под предельной нагрузкой.

Звуки ног ушли прочь. Не знаю, сколько прошло времени, когда она вернулась. Теперь голос звучал без издевки, но все так же угрюмо.

– Забор крови, – буркнула она. Раздался скрежет стула – оказывается, он был рядом, ждал посетителей, которых у меня быть не могло. – Левую руку вытяните.

Я буквально мог проследить за тем, как мозг отдает указание руке (которая из вас левая?) и сигнал проскальзывает по нейронным сочленениям. Рука шевельнулась, чуть приподнялась.

– Большой, быстрее, – нетерпеливый окрик, дернула меня за ладонь. – Кроме вас еще... люди есть.

Почему она так сказала? Почему выпятила «людей»? В руку резко, с кожаным хрустом, вонзилась игла. Чуть позже игла покинула скважину. Прохлада и шершавость приложенной ваты.

– Все, – шорох ткани, звон стекла, снова шорох. Скрежет металлических ножек стула. Она уходила, унося мою кровь, а я оставался, зная всю ее жизнь – от прошлого до будущего, которое вскоре, через два года, должно прерваться бывшим мужем, который зайдет в гости. От жуткого, обескураживающего внезапно, никак не желанного знания, я отключился.

Очнулся ночью. Боль и напряжение, которые пронизывали тело раньше, отступили. Сумрачные тени лежали на стенах. Фонарь забрасывал внутрь палаты розово-желтый свет. Я приподнялся. Рядом сопели завернутые в одеяла люди. Двое справа, один слева.

Дверь в палату распахнута настежь. Где-то в коридоре прятался еще один источник света. Наверное, дежурный пост. Медсестра спит или сонно уставилась в переносной телевизор с шипящими полосками на экране. Сериал на телеканале «Россия-два». Вспомнилась ворчливая женщина, воткнувшая иглу мне в руку. Металл под кожей и жесткая хватка опытных пальцев. И...

Огромным графиком – по минутам и даже секундам при желании – передо мной вновь раскинулась жизнь медсестры. Эльмира Ниязовна Фархуллина, из Камского Устья. Медучилице, после встретила мужчину, какой-то он... неясный, почти невидимый, уходящий туда, за пределы графика, асимметрия в расчерченном плане. Вот оно! Он повесился, там еще, в Устье. Теперь слова ее про «таких как я» стали понятней. Давние счеты к самоубийцам.

Двое детей, дочь и... сын, да, сын – младший. И разные отцы. Я не мог понять, откуда знаю это. Образы всплывали, когда я взглядом следовал слева направо, скользил по пикам

и падениям жизни человека. Вот подъем – новая квартира. Какой-то дом, этажей девять или выше. И резкий срыв, вниз, почти к самому пределу листа. Что это было? Не видно. И вот настоящее.

Входит в палату с металлическим лотком. Шапочка сбита на сторону. Садится на стул. Рядом – бледный человек под синим одеяле. Человек поднимает руку. Женщина берет иглу, протыкает ей кожу. Кровь медленно ползет в стенках пробирки.

Будто желая увидеть мелкую деталь на большом полотне, я прищурился. Мне хотелось заглянуть в конец. В самое завершение графика. Но прыгающая линия, жизнь медсестры Эльмиры из Камского Устья, все не давалась. От напряжения ли, от усталости, но график исчез. На место вернулись потолок, трещины, лучи из окна и коридора и сопение соседей по сторонам. Я вновь был в палате.

Ерунда какая-то. Видимо, после падения в голове что-то сместилось. Или год сжатых зубов вылился в такое. Так или иначе, надо выбираться из больницы.

Об этом желании я сказал врачу – сухощавой высокой женщине, утром пришедшей на обход. Она шурилась, глядя в бумаги.

– Больной, домой рано, – безапелляционно заявила она, оторвав взгляд от записей, потом пояснила чуть мягче. – У вас пневмония, скорее всего, – столько времени в воде пробыли. Лежите пока, а мы вас наблюдаем.

Медсестра позади врача – не вчерашняя, а новенькая, помоложе – брезгливо сморщилась. Проследив мой взгляд, врачаха обернулась. Медсестра смешалась и потупила глаза. Врач вновь посмотрела на меня:

– Рановато, нужно подождать. Ваша жена сказала...

– Жена?! – я приподнялся, но женщина мягко и, вместе с тем, сильно надавила на мое плечо. Я снова лег.

(Какое-то переживание, сильное, грустное, да, ей было очень грустно. Печаль об ушедшем. Муже? Сыне? Да, сын, что-то с сыном)

– Ну да, жена заходила. И что? Пришла, сказала, что есть предпосылки... – она пошуршала бумагами, – Ну, это не к нам, это к психиатрам.

Я отвернул голову в сторону. Настя была здесь! Конечно, она не стала бы говорить лишнего. Однако если сейчас я обмолвлюсь о том, что вижу то ли бред, то ли прошлое, сплавленное с будущим, то выйти отсюда удастся не так быстро, как с пневмонией.

– Итак, покой и антибиотики, – продолжала врачаха. Затем повернулась к медсестре, – и никаких визитов. А то видите, как волнуется.

Та довольно кивнула, видимо, радуясь, что презрительные гримасы в мою сторону не были замечены. Не отрывая взгляда от медсестры, я вдруг спросил:

– Доктор, а если бы к вам сын пришел – вы бы ему тоже запретили? А то ведь... волнительно.

– Сын? При чем здесь... – врач уставилась на меня. Левая бровь ее забавно задергалась, а грудь под халатом вздымалась и опадала, – Кораблев, вам лечится надо, а не личную жизнь врачей выпытывать! А то, может, у вас мысли навязчивые? Психиатра все-таки прислать?!

Врачиха развернулась и стремительно вышла из палаты, обдав халат медсестры потоком воздуха. Девушка вновь показала мне гримасу – то ли презрения, то ли сочувствия – и выскочила из комнаты. Из коридора донеслись обрывки фраз врачахи. Что-то там было про успокоительное.

Когда женщины вышли, я обозвал себя идиотом. Кто меня дернул за язык?! К чему было говорить про сына? Еще и после неудачного самоубийства, как они наверняка думают. А теперь есть повод для лишних мыслей о психическом здоровье их нового «больного», Кирилла Кораблева...

– Кораблев, на уколы, – голос прошедшей мимо медсестры прозвучал как-то необычно.

Скрытно? С умыслом? Я вздохнул, огляделся – один из соседей безучастно уставился в книгу, другой настойчиво возился в глубинах тумбочки. Кровать подо мной скрипнула и отпружинила. Теперь медленно выйти из палаты и идти на звук голоса. Мышцы еще болели, но я ощущал – со мной все нормально.

Голубоватый кафель процедурной рассекали трещины, местами замазанные черным раствором. Приборы – шприцы, щипцы, зажимы – звеня, метались по металлу стола, за которым сидела медсестра. Все та же девушка, что корчила мне гримасу. Титановый отблеск стыл в ее глазах.

– Кораблев, колем антибиотиков. Штаны снимайте, – кивнула в сторону кушетки.

Подошел, стянул с одной стороны тренировочные штаны. Звон одиночный. Что она там собралась колоть. Еще раз бряцанье металла о металл. Когда услышал шаги за спиной, я не вытерпел, двинул резинку брюк вверх и развернулся.

– Что такое, Кораблев?

– Откуда я знаю, что это антибиотики?

Лицо девушки опять исказила гримаса. Снова презрение. И сожаление – так мне показалось. Да, похоже на жалость какую-то – как к дурачку, которого обвели по пьяни вокруг пальца, а потом сами и пожалели, дали все-таки денег на опохмел.

– А что я вам колоть должна? Героин, что ли? – сестра нетерпеливо взмахнула шприцем, – Давайте, пациент, не задерживайте.

Я медленно потянул штаны еще выше. Попытился к дверям, не выпуская из виду девушку.

– Кораблев, вам лечиться надо, пневмония у вас! Это нарушение дисциплины!

– Я от уколов отказываюсь. Я знаю, это не био... Нет, не антибиотики!

Когда она резко шагнула в мою сторону, я схватил ее запястье и резко сжал. Девушка вскрикнула, но шприц не выпустила.

– Я отказываюсь! – заорал я, встряхнул ее руку, выворачивая. – Отказываюсь от ваших лекарств! Это успокоительные, я слышал! Это она вам сказала!

Я выскочил из процедурной.

Быстрым шагом в палату. Собраться, других вариантов нет. Что нужно? Почти ничего, можно уходить в этом же. Только как? На мне – тренировочный костюм, который принесла Настя. И на том спасибо. Куда ехать? Как? На какие деньги? За окном начиналась буря – грозовые тучи уже напоздали на кусочек неба, скудно видимый из окон больницы.

И голос. Я слышал голос. Голос шел изнутри. Это была Марина. Только ей было позволено влезть ко мне в душу шесть лет раз назад, вернее, я сам впустил ее туда.

– Я жду тебя.

Да, я тоже ждал. И почему-то знал, что единственная возможность увидеть ее – бежать отсюда. Быстрее покинуть больницу, где врачи хотели напичкать меня успокоительным и, возможно, оставить гнить здесь.

Возможно, я и в самом деле сошел с ума. Но если надо было стать сумасшедшим, чтобы вновь увидеть дочь – я был готов к этому. Я спешно вышел из палаты и направился к концу больничного коридора. Вслед неслись голоса, но я не оборачивался. Просто вышел на лестницу, проскакал несколько пролетов, морщась от боли в мышцах при каждом прыжке, и выскочил из здания больницы.

На улице было слякотно и сумрачно. Ноги в тапочках быстро замерзли, напомнив холод там, под водой. Я двинулся к огонькам машин – поток потрескивал по лужам в нескольких десятках метров от меня. Рука взметнулась, пытаюсь привлечь того, кто захочет подвезти безумца, сбежавшего из больницы в спортивном костюме.

Я уже придумал, как расплатиться – попрошу водителя подняться со мной, а там займу у соседей. Думаю, проблем не будет. В конце концов, я на хорошем счету. Был на хорошем, поправил я себя.

– Куда едем? – неприметный блондин, уже начавший лысеть, приоткрыл окно серебрящей сквозь уличную грязь иномарки.

– Соловковских юнг, это за Московским, – дернутая дверь чуть скрипнула, а потом, закрываясь, крикнула. – Двести, но надо будет подняться. У соседа займу и отдам.

– Поехали, – неожиданно быстро и без торга кивнул блондинчик. Машина тронулась, больница осталась позади.

Интересно, что у нас полагается за самовольный побег с лечения? С учетом законодатель, возможно, что и условный срок. Я усмехнулся.

– Доволен? – спросил серебристый.

– Ммм? – не понял я вопроса.

– Доволен, что из больницы сбежал?

– Заметно?

– Ну, ты – или спортсмен, который не смог добежать обратно, – блондинчик просканировал меня взглядом, – или беглый из больницы. И на спортсмена ты что-то не похож...

Водитель ухмыльнулся и вновь взглянул на меня.

– Я как-то раз тоже сбежал. Только не из больницы. От бабы, – он положил руку на рычаг передач.

В этот же момент я машинально, вслед его движению, опустил глаза. Вокруг набалдашника со значком изогнутой Н тек красный цвет. Он вырывался из пальцев водителя, а потом, словно дым, окутывал рычаг и кресло водителя.

Взгляд мой, как в палате, поплыл. Казалось, в микроскопе навели резкость, только вместо бегающих микроорганизмов передо мной пронеслись события. Кусок жизни. Блондин, лет на пятнадцать помоложе. Женщина. Кричит, нависая над мужчиной.

– Скандальная была? – ляпнул я.

– Ууу, не то слово, – покачал головой водитель. – Орала, кидалась чем попало. Вот я и свалил. Надоело.

Блондин озирается, стоя в коридоре. Позади мечется тень, мужчина, не глядя, наносит туда пару нелепых ударов рукой. Дверь хлопает, блондин, как я полчаса назад, скачет по ступеням.

– А... А что ты – приструнить ее не мог что ли?

– Какой там, – водитель заулыбался. – Дрались мы, конечно, только смысл? Ушел в чем было, вот ведь как. А ты чего?

За мокрым окном сверкнули и исчезли знакомые опоры моста. Интересно, осталась ли отметина?

– Меня, вроде, за сумасшедшего приняли. Вот и побежал, – машинально, ответил я. И тут же, словно оправдываясь заметил, – но бабу свою я не бил.

Водитель дернулся, перевел руку на руль. Хотел что-то спросить – слышно было по дыханию. Красный цвет на пальцах взметнулся, смешался с новыми цветами – фиолетовый, охряный. Помутнел, превращаясь в шлепки краски, разбросанные по сторонам. Видение исчезло.

– Я тебя тут высажу, – буркнул блондин. До дома было несколько минут ходу.

– А деньги?

– Не надо денег, – водитель помялся. Снова взметнулись цвета. Все смазано. – Так уж. Нормально все.

У подъезда я постоял немного. Слова беседы с таксистом постепенно исчезали из памяти, а вот вкус их – его можно было задержать в себе, покатав на языке. В этот раз прикосновение было нечетким, смутным, но зато во всем этом, во всей ситуации ощущалась легкость и...

– Надежда, – сказал я в холод и двинулся к подъезду, не зная, попаду ли домой в этот вечер.

На счастье соседка, чей номер я набрал в домофоне, была у себя. Поднимаясь, я вспомнил, что Настя полгода назад оставляла у нее ключи. «На всякий случай», сказала она, отправляясь в совместную поездку за город на несколько дней. Одна из последних ее, Настиних, попыток втащить меня в жизнь. Или вернуть жизнь в меня. Так или иначе, не вышло.

– Держи, – протянула ключи соседка. Теплая ладонь коснулась моих пальцев
(*Может и заглянет. Настя-то ушла*)

– Что? – я вскинул глаза. Не расслышал? Не распознал?

– Держи, говорю! – она втиснула нагретый металл в мою ладонь. – Заходи, если что. Мало ли...

Халат прошуршал по косяку, дверь закрылась. Я вздохнул, улыбнулся – вот ведь, и тут жизнь. В нашей (моей, чьей —?) квартире было тихо. Пустыня после набитой людьми больницы. Тело хотело отмыться и отлежаться в привычной постели.

Через пару часов я понял, что у пустоты двойной эффект – в ней особенно слышны голоса тех, кого с нами нет.

Лежа на привычном, правом краю кровати, я вертелся и переворачивался в поисках нужной позы, но сон не шел. А вдруг и в самом деле это были лишь антибиотики? Или, что самое ужасное, – вдруг мои опасения насчет содержимого шприца были верны, опасения за психику тоже были верны, и все вместе это значило, что я сошел с ума? И видения, и голос – разве это не явные признаки сумасшествия?

Сел на кровати. Что, в конце концов, я слышал? Неясные слова, смутные образы. Нашарил обрывок бумаги и ручку в тумбочке у кровати. Сцены выстроились в список.

- падение
- голос Марины
- больница, медсестра
- врач и сын
- водитель
- соседка.

Вопрос врачу о сыне был хоть как-то подтвержден ее реакцией. Да таксист со своей скандалисткой, с другой стороны там и угадать было нетрудно. Никакой уверенности в остальном. И все же...

Если принять самую безумную идею, что получим на выходе? Во время падения у меня появилась возможность слышать, точнее, видеть жизнь, а заодно и мысли других людей. И еще я слышу голос дочери. Предположительно погибшей – с учетом статистики.

Последняя мысль меня особо задела. Все внутри противилось этим словам. Нутро выгибалось в протесте. В ушах терся этот звук «гибшшш», словно кусок горячего металла окунали в холодную воду. Меня вон тоже окунали в холодное и что же?! Возможно, я сошел с ума, но теперь у меня появилась надежда.

Так что – надежда или стабильность? Трудно найти решение в ночной комнате. В утренних сумерках все решения серы. Так ничего не придумав, я побрел в ванную.

Зеркало услужливо указало на бессонную ночь и недавнее похмелье, которое благополучно минуло под обезболивающим. Сейчас, в пять сорок семь, из зеркала смотрел уставший человек, с синяками под глазами и истерзанным лицом. На работу идти рановато. Или слишком поздно? Я отправился спать.

Проснулся днем. Шел снег, тут же превращаясь в черные лужи. Под окном буднично трещали автомобили, шлепали шаги прохожих. Жизнь была там, за окном, всего-то нужно сойти к ней, спуститься на несколько этажей. Но что, если это вовсе не жизнь?

Что, если течение осталось там – вместе с голосом Марины, а это, законное бытие – лишь туманные призраки берега, на который меня выплеснуло? Как быть, если больше не веришь в реальность? Где найти точку нового отсчета после года тусклого, бесплодного ожидания?

Для начала этой самой точкой мог стать завтрак. Я был голоден. В холодильнике нашлась явно несвежая колбаса, вздувшийся пакет молока и банка рыбных консервов. Я вытащил заначку сторублевков, спрятанную под галстуками (неужели мне придется одевать их еще когда-нибудь?) и направился в магазин.

Шаги текли по ступеням, воздух стремился раздвинуться, стены, казалось, светились изнутри. Всего несколько часов в родной постели, а я уже ощущал себя совершенно иначе. Никаких голосов, никаких видений. Вывеска магазина уже проглядывала сквозь снег, который мягко падал, не надеясь ничего изменить. Жизнь шла.

У входа, скорченная в ознобе, стояла знакомая попрошайка – тетя Валя. Обычно вытянутые, сегодня ее руки были всунуты в карманы истрепанного грязно-малинового пальто. Когда я прошел мимо, тетя Валя старательно отвела взгляд, демонстративно не глядя на меня, два года подряд щедро сыпавшего ей монеты со сдачи.

Что ж, если жизнь, то жизнь. Я прошелся вдоль полок в поисках бутербродного содержимого. Нестерпимо хотелось пряной ветчины, соленых корнишонов, а еще жгучей горчицы, которой можно будет вдоволь промазать куски черного хлеба. Нашлось все, и даже сыр в пластиковых пеленках выглядел свежим.

– Триста сорок семь писят, – бросила кассирша после того, как прощелкала покупки. Я набрал с запасом, чтобы хоть несколько дней продержаться.

Банки и свертки мягко скользнули в пакет. Я вцепился в ручку, поднял, внезапно ощутив это – чувство реальности. Вот он, пакет, тяжелый, там покупки, я иду домой, я буду завтракать. Больше никаких голосов, все пройдено, трудный этап в жизни, а сейчас вот – снег повалил, кругом белизна, пусть ненадолго и все же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.